

Д. С. ХАРУНИН.

„Зачем нужны
церковные
обряды“.

Est. A-17174

Д. С. ХАРУНИН.

„Зачем нужны
церковные
обряды“.

„Зачем нужны церковные обряды?“

Часто в разных сферах слышится вопрос: „у православных слишком много обрядов“, „ниг Zeremonien“, как выразилась одна моя знакомая немка: „к чему они?“ Есть и такое мнение: „Христос учил нас поклоняться Богу, „в духе и истине“, Он сам вставал против внешностей, против обрядовой стороны учения фарисеев и саддукеев, клеймя это, как устаревшие принадлежности отжившаго иудейскаго мира“. — Все эти возражения приводят люди, может-быть никогда не думавшие над смыслом существования пресловутых „обрядов“ православной и католической церквей. — Прежде всего я спрошу вас: обряды эти существуют вот уже 2.000 лет; они были; они есть; бывает ли чтонибудь в мире вообще, что не оправдывается известной целью и необходимостью? Главное возражение против обрядов базируется на том, что, мол, „их выдумали люди“. Вы, что утверждаете это, подумайте: начало церкви было положено еще в самые первые времена христианства; положили его, т. е. установили весь чин Богослужения — ученики и приемники Апостолов, т. е., непосредственных учеников самаго Христа. Поэтому, мнение, что Христос учил молиться, войдя в свою комнату, закрыв двери, наедине с собой, — и что будто бы из этого видно (как учил Л. Н. Толстой), что Он-то как раз и был против Богослужения, т. е. собрания молящихся на виду друг у друга, мнение это, я думаю, уже не выдерживает

критики, если продумать, что Сам Христос, и никто иной, и был то первым инициатором, так сказать, — Богослужени. Слова — же о „на едине“ Он привел, чтобы предостеречь людей от заразы фарисейской“: Он имел в виду показной элемент, ханижеский, в фарисействе, без капли внутренняго содержания... Если хорошо продумать все это, т. е. что именно показное и ханижеское, имел в виду Христос, то — подумайте также: те, что сейчас ходят в церковь, ноужели же ходят, чтоб показать себя? я думаю. 90⁰/о всех молящихся — нет. Могут быть любые причины: ходят, потому, что ходили их предки; чтобы не изменить традициям; потому что „принято“ для „вернаго сына“ (такой-то,) церкви—причащаться раз в году, посещать церковь в известные праздники, и пр.. Но и тут: вряд ли у всех этих людей есть желание показаться: религия в наше время — предмет, скорей высмеиваемый, и вряд-ли пожнешь лавры тем, что слишком усердно молишься;—люди эти идут, чтобы отбыть, может-быть, довольно скучную, но неизбежную ежегодную обязанность: они будут стоять, и креститься в полагающиеся моменты, но вряд ли у кого либо из них есть мысль, что-бы на них смотрели: они и молиться-то не будут, (если как раз у них нет для этого расположения), а просто — „отбывать“ положенное себе на сегодня посещение храма. — Ханижество, я думаю, скорей у нас проявляется в деле благотворительности: многие, вынужденные к этому общественным мнением, чтобы не прослыть скрягами или форменными эгоистами „при их-то богатстве“ — вынуждены принять участие в деле широкой благотворительности, часто без участия в этом души: жертвовать на приюты, церкви, школы, заседать в комитетах помощи бедным, устраивать благотворительные вечера, и пр., и пр.: приятно иногда прослыть „благодетелями“, и при жизни, и после смерти часто; а с другой стороны кому же, как не им, (обеспеченным, или денежным тузам), выступать на арене подобной

деятельности: так и спокон веку делалось! и они играют свою роль, плохо или хорошо, но — отказаться от нея, было бы просто неудобно!

Многих еще отталкивает от хождения в церковь поведение священнослужителей; но и на это я позволю себе привести возражение — несколько ниже.

Есть люди, могущие молиться и дома. И благо им „Спасение души“ вовсе не зависит от хождения, или не хождения в церковь; я на этом стою, хотя представители всех церквей и утверждают как-раз противоположное.

Так, „для чего Богослужение?“ „зачем эти обряды?“ а вот зачем. Обряды эти были установлены со вполне определенной целью, и имеют значение, гораздо более важное, чем это думают даже те, что не отрицают их: больше: те, что очень любят Богослужения, и которым церковь в этом смысле, очень много дает. Спросите ка таких молящихся, зачем они ходят в церковь? „да потому, что дома как то не могу молиться; а вот в церкви — так на меня действует, напр., хорошее пение, иконы, украшения и вообще „все такое“... **Действует.** Я позволю себе остановить внимание читателя на этом слове.

Один мой знакомый — врач по душевнонервным болезням, советовал своим пациентам ходить как можно чаще в находившуюся там же, при больнице, церковь: „я не знаю, что на них там так действует, но во всяком случае это для них прекрасное лекарство от неврастения“. Врач этот был атеист.

Многие еще говорят: „обряды нужны, как декорация; в них, и во всех церковных украшениях, известная красота“. Но и этого еще мало. Тот, кто изучил хорошо тайну „действия“ таких „обрядов“, знает, что слово „действует“ — выражает именно то, что выражает. В церкви именно все приспособлено к тому, чтобы „действовать“, настраивать душу известным образом, сделать в ней перемену; сделать ее восприимчивой к вещам и впечатлениям, ко-

торые человек вообще на земле — иметь не может. Мы все, большинство, живем и думаем, что дальше тех вещей и переживаний, что приносит с собой ежедневная жизнь — и быть ничего не может. И не верим, смеемся и отрицаем, когда нам говорят верующие, или мистики, что есть нечто „дальше“ и „больше“. Но что оно так — знают лишь испытавшие на себе. Переживание эти чисто суб’ективного характера; но Богослужение затем и установлено, (со всеми его обрядами), чтобы дать возможно большему числу лиц, каждому в отдельности, в себе самом, „суб’ективно“, возможность прикоснуться к этим иным, не этого мира, впечатлениям.

Итак, я уверяю, что в церкви нас нечто „настраивает“ известным образом; но, что же тогда? да все, скажу я. Многие слова, многие действия; каждый жест священнослужителя, как крестное знамение, воздетые руки, благословение крестом или Евангелием; благословение дву-кирием, и три кирием;* особенно же, священные действия, совершенные во время „пресужествления св. Даров“; разные, специальные молитвы; выбор именно тех, а не иных слов, верней даже сочетаний и созвучий этих слов, и слогов — в возгласах иерея и диакона. Свечи; св. иконы; светильники. Свечи отчасти, и ладан в особенности, введен с целью уничтожения тяжелых запахов, приносимых в церковь вместе с сапогами, платьем, и телом вообще, создать в ней физически, и „духовно“ чистую атмосферу. (Есть еще одно, более даже важное, значение ладана; но приводить его здесь, значит, слишком отвлекая в сторону.) Теперь, какова же еще цель всех этих священных действий и слов: — а создать в храме приток той невидимой Силы, что называется Благодатью; сосредоточить Ее в одном определенном месте —

---

* „двукирий — подсвечник с двумя свечами, „трикирий“ — е тремя, обычно употребляемые архиереями во время церковных служб для благословения ими молящихся.

в храме, и определенных его местах (алтарях), откуда она уже легче распространяется по всей церкви, в силу чего храм и становится в полном смысле слова тем священным местом, куда люди ходят черпать помощь и утешение. — Самый очаг этого низведения Божественной Силы — престол; а также и все те места, как распятие, особо чтимые народом иконы. Наконец — пение. Можно прямо предполагать, что творцы мелодий всего того, что поется у нас на обеднях, всеночных и пр. — во время их творений имели прозрение в невидимые хоры неземных Существ, предстоящих непосредственно престолу Бога. Никакая светская мелодия, будь она самой серьезной, глубокой, вдохновенной и красивой—все-таки не может произвести действия в этом направлении: раскрытия человеку какого-то совсем иного, Светлаго бытия.

Но что же это за бытие, спросят? и что значит „Благодать“? что-же, именно должно нам раскрывать все происходящее в церкви? я обращаюсь дальше к верящим, т. е. вообще, религиозным людям, но, именно, не понимающим смысла обрядов...

Итак: „что это такое“? Увы как я могу говорить о том, что недоступно никаким словам и выражениям; если б оно было им доступно, так можно было бы просто объяснить, но это именно из области такого, для чего не подыщет слов даже святой, будь он самый любящий и скорбящий о „пребывающем во тьме“ человечестве.

Для того-то и существует Богослужение, что-бы ввести сознание человека в Мир отблеска „света неприступного“, как прекрасно выразилось одно духовное лицо. Возьмите музыку: она тоже действует на душу известным образом, сильнее и действительнее всяких слов, потому что действует непосредственно. Вот так и Богослужение. Но никакая и музыка не может дать понятие об этой лучезарной области сверх-бытия; да и нет в мире ничего такого,

что бы дало это понятие: красота; природа; музыка особенно — все это может только намекнуть, но дальше таких, именно жалких, намеков, и не пойдет. Действительное понятие; прозрение туда — может дать именно только Богослужение. Да поймут меня правильно: конечно, каждый идет к Богу своей дорогой, т. е. трудно сказать, с чего именно начинается каждый свое первое вступление в тесные Врата на путь к Царствию Божию; одних на этот путь двигает одно, других другое; зависит от индивидуальной особенности каждой отдельной души.

Но долгов и труден этот путь; требуется безконечное число усилий над собой, чтобы из простого грешника сделаться полу-святым, т. е. непосредственно созерцающим чертоги Царя Царей; то-же, что нам воспосредничает церковь — может увидеть и самый темный и грешный человек; ибо так велика щедрость Верховного Царя, что Он и нищим посылает угощения со своего Собственного Царского Стола: Он не мог примириться с тем, что доступ в Его „Чертог“ получали только лица, „усовершенствовавшие себя до степени готовности проникнуть в „Царствие Божие“; Он восхотел и бедным слепым детям земли показать великое Сияние Своей светозарной жизни, и для этого и был установлен чин Богослужений „православной и католической церковью, играющий роль как бы моста через пропасть между землей и небом.

Поэтому, я говорю, не требуется быть непременно праведником: стоит только прийти в церковь и открыть душу всему происходящему в ней: уж самое малое, что получит человек, — это — покой, утешение, поддержку и пр.. Но есть натуры, как бы предрасположенные к таким впечатлениям: натуры „мистические“, так сказать (мистицизм, это все то, что касается переживаний не земного, а „надземного“, небесного миров и впечатлений, приходящих оттуда; привожу это примечание, так как очень многим не нра-

вится самое слово „мистицизм“). И таких натур больше, чем думают. Читатель да не ошибется: я говорю здесь **о степени** такого проникновения в эту светлую область, потому что ведь богослужение существует для всех, а не одних каких нибудь „избранных“ „мистических“ натур. Но дело все в том, что для последних это действие сказывается сравнительно легко и рано, тогда как другим — (пока они получают доступ сознанием в то же самое) — потребуется очень много времени и громадная переделка себя. Ведь есть люди, и часто ходящие в церковь, но не получающие от этого ровно ничего. Есть такие, что намеками, смутно, слабо еще чувствуют прикосновение к душе — чего-то, что сами не могли бы может быть еще об'яснить, но что захватывает все существо чудным трепетом; наконец, есть такие, коих богослужение постепенно меняет до степени, пока они не отдадут себе отчета, что подвинулись духовно вперед, что им открылось какое-то совсем иное светлое бытие, и они начинают сознательно искать пути завоевать Его совсем. Есть замечательная стихира, поющаяся у нас на Страстной: „Чертог твой вижду, спасе мой, украшенный, и — одежды не имам, да вниду в онь. Просвети одеяние души моея...“ и т. д. „Чертог“ этот многие внутренне видят на богослужении; и, многие также приходят к выводу, что, чтобы завоевать Его совсем, надо очистить, „просветить“ испачканную грехом и эгоизмом одежду своей души; но видеть этот „чертог“ можно и „издали“, еще не войдя туда всей душой.

Я повторяю, что при самом лучшем желании не могу об'яснить, даже намекнуть, что это за переживания, желающий да попробует испытать сам. Для этого (новичку) мало и ходить в церковь и открывать доступ в душу всему происходящему в ней; есть один удивительный ключ к „чертогу“, это — молитва. А молитва тоже молитве рознь. Есть молитва одними словами, не производящая желаемого действия; но есть и та, что от веры в слова „и вот какое дерзновение

имеем мы к Нему, что, что попросим по воле Его, то и дает нам..." (I посл. Иоанн, глава 5, 14 и 15). „По воле Его“: въ этих словах объяснение многих сетований, что, вот, Бог часто не слышит нашу молитву, по сетующие на это не понимали наверно, что мы можем просить может быть как раз того, что в данном случае расходитя с предназначенным нам от Бога; напр., что страдание от котораго просим избавить нас, может быть нужно для чего либо нам самим, и Бог с этою целью посылает его; но если мы будем просить о силе переносить такое страдание, если просим, наконец, помощи сделать нас лучше, чище, приблизиться к Богу: то просим свое законное право, „по Воле Его“ просим, а не расходясь с ней: может-ли быть сомнение, что такая молитва будет услышана?

Молиться — представляя себя как-бы воочию перед тем, у кого просишь: Христом-ли, Богородицею, святым угодником, или просто „невидимой небесной Силой безплотной“, пламенно, всем существом вознесенные от земли, с верой, что непременно, и **а** перед **уверены**, что получим просимое, вот эта молитва произведет действие, совсем неожиданное и феноменальное может быть. Молитва—тайна, и в чем и каково именно ея действие, и **что** чувствует человек во время ея, (ибо есть определенные моменты, известные каждому, „умеющему“ молиться, указующие, когда молитва одними словами „умственная“—переходит в „настоящую“, ту, что имеет результаты): это он должен опять-таки испытать сам: но научиться, этому и легкому и трудному в то же время, искусству—может безусловно всякий. Такая молитва, в соединении со всем, воспринимаемым во время церковной службы (слушанием пения, для очень многих)—есть настоящий мост в Царство Небесное.

Итак, каждый пусть попробует испытать сам. Я не могу объяснить здесь ничего, могу только заверить, что все, испытавшие, единогласно заверяют, что кто

это узнал, не захочет уже ничего более на земле в той же мере. Самое яркое и полное счастье земли покажется ему ничтожным перед переизбытком этого совсем нового переживания. В такие минуты человек только сознает, что в этом—**все**, и больше того, что можно желать и искать, и что ничего более ему уже не надо. Если перевести на слова переживания таких минут, то их приблизительно (выражает) одна фраза православного „Великаго Славословия“, кое поется на Всенощном бдении: „кланяемся, славословим тя, **благодарим тя великия ради славы твоея**“. Это внутреннее видение отблеска умопомрачительной Славы Самого Христа; это—падение в душу луча такого нестерпимаго света, что он часто превышает меру того, что можно перенести. Многие, испытавшие, рассказывали, что после такой обедни или Всенощной, содержание их души колебалось между состоянием страшнаго почти блаженства, и—безумием. Это потому, что тело наше, ум и мозг совершенно неподготовлены к подобнаго рода потрясающим впечатлениям: один уж их осадок, остающийся в душе, заставляет ум как бы сойти с обычной колеи и блуждать по новой неизвестной стране, где еще более страшно, чем блаженно. (Против последняго положения: что как это в церкви—или в связи с нею, можно дойти до грани сумашествия,—спорили со мною очень многие и однако, не надо быть ни истериком, ни „ненормальным“, ни еретиком, что бы согласиться с высказаннаго мною мыслю: очень может быть, что некоторые, кому доведется читать мой скромный труд, — поймут, испытав в себе самих (уже ранее) о чем я говорю) и узнают в нем самих себя, узнают также, что **для них** и про них оно написано). Повторяю только, что все мы—люди и сознание наше приспособлено ко всяким впечатлениям, приходящим к нам из ежедневной жизни на земле; то же, что дают подобные минуты в церкви—принадлежит к области,

требующей совсем особенного расширения сознания, чтобы спокойно и естественно вместить в себя впечатления этой недоступной и неизвестной людям сферы, оно действует потрясающе на наш неподготовленный ум, чувства, все существо и выводит его до некот. степени из равновесия. Из этого только следует, что человек неопытный, подаваясь таким впечатлениям, в силу их блаженности, нечаянно переходит порог, где из блаженных переживаний, эти последние могут сделаться опасными ему; в таком случае лучше прекратить временно хождение в церковь, или уходить сейчас же, когда чувствуешь уже приближение „опасного порога“. Есть одно только, верное средство—испытать это, без всякого страха за свой разум, очистить свою душу настолько, чтобы она перестала желать таких состояний только для себя; уйти от своего эгоизма, от вечного „я, я, я“, „все себе“ — в сторону всецелаго, постепенного отдания Божественной воле, с тем, чтобы научиться открывать Его чудную жизнь всему миру. И те, кто действительно стояли на пороге смерти всякой их личной жизни, удостоверяют, что невозможно узнать **ЭТО**, и не чувствовать мучительнейшей потребности указать на него всему миру: ну, хоть молиться за когонибудь из своих знакомых, чтобы Господь поставил их на путь к своему царствию, или же уронил в их душу отблеск того же яркаго сияния, если они уже способны его увидеть. А если не так, то душа добровольно отталкивает только что полученный избыток, потому что одному нести его—слишком сильное страдание. Еще они повествуют, что такие мгновения (часто короткие, как молния, но сладчайшие, как Вечность) с избытком искупают все перенесенные ими, и самые горькие страдания на земле, больше: что невольно вопрошаешь, как это Бог сотворил нас для такого — более, чем блаженства, потому что чувствуешь себя недостойным, ничем не заслужившим, существовать для него...

Я хотел еще ответить на одно, приведенное ниже возражение против посещений церкви. Да, конечно, в высшей степени печален тот факт, что содержание души и жизнь священнослужителей очень часто не соответствует их сану: но и это, можно сказать, „предвидел“ Христос, поручив своим приемникам установить чин богослужений, он „сделал так“, что все в нем происходящее не зависит несколько от того, верит или не верит, со вниманием, или машинально, как заученый урок, произносит священнослужитель плагающиеся молитвы, возгласы в таинствах, и пр.: если он это делает, вкладывая в них свое собственное чувство—действие их будет может быть еще больше; но, и в противном случае оно скажется: потому что все эти вещи действуют, так сказать, „чисто механически“, именно в силу их определенного сочетания и воследования их слов и созвучий. Как бы ни казалось это странным и новым, оно так, поэтому безразлично, „какую жизнь“ ведет священник; в храме — он (все таки) все тот же служитель и посредник Божеств. силы, потому что ради данных им при посвящении в сан обрядов, не может изменить ни одного слова из воспринятого им чина богослужений. Точно также часто упрекают священников: „они говорят в проповеди вот то-то, и то-то, а сами этого не делают“; так, спрошу я: чтобы „быть последовательными, т. е. чтобы действия их не расходились со словами, в силу логики — они должны, что ли, перестать говорить, и учить тому то и тому то, в послеобеденных проповедях, на исповедях, и пр.? Но тогда ни им, ни прихожанам не будет никакой пользы, а так хоть прихожане то, может быть, чтонибудь полезное почерпают из слышанных ими повещаний.

Еще прибавлю, что если каждый из молящихся отдает себе полный отчет (ими хоть частичный) обо всем происходящем в церкви, то действие онаго на него будет еще в 10, 20 раз сильнее обычного. Оно будет и так, но тут играет именно роль вера, или

уже опытная уверенность.

Одно лицо рассказывало автору этой статьи, что, не имея раньше веры в св. причастие, потом, когда однажды ему объяснили, что значит „пресуществление св. Даров“ (поскольку вообще может человек объяснить) он первый раз пошел к Причастию с верой, с каким-то священным прямо трепетом и страхом перед громадностью того, к чему приступает, а было это в пасхальную ночь. Действие, произведенное св. Чашей, было так велико, что человек этот 2 месяца был совершенно неузнаваем: он получил полное душевное и телесное исцеление, преследовавшие его мысли о смерти и ничтожности всех его попыток подняться к Богу — заменились в нем восторженной верой, сознанием внутр. силы, вдруг выросшей, постоянным ощущением под'ема и — самым сердечным состраданием и деятельным участием к бедным и нуждающимся. А воспоминание об этой светлой ночи, когда, по его словам: „свет победил тьму“, осталось в нем на всю жизнь, и при мысленном представлении себе раскрытой внутренней алтаря и трех священников в пурпурно-золотом одеянии, стоявших вокруг престола; мой знакомый всегда чувствовал прилив экстатического прямо трепета, восторга и чего то такого, что поднимало его от земли внутренно на самое небо.

Другой знакомый рассказывал, как, когда однажды для крестнаго хода вынесли хоругви и запрестольные кресты (после обедни) — он внезапно почувствовал, как нечто словно отделилось от одного из этих больших крестов, направилось к нему и проникло в самое сердце, голова его сама собой низко, низко склонилась, ему захотелось пасть ниц пред этим крестом, потому что то, что отошло от него, потрясло блаженным и сладчайшим, но вместе и страшным трепетом все его существо. Человек этот крайне чтит св. крест, но уверял меня, что „в том кресте, наверное, была какая-то особая сила“.

Можно верить, или не верить приведенным случа-

ям; можно считать вообще многое здесь „самовнушением“, как напр. это очень любят делать представители медицинского мира: цель моего настоящего мал, труда—не переубедить скептиков (что и невозможно). а показать людям, отрицающим все громадное значение так осмеиваемых и отвергаемых „обрядов“ православной и отчасти католической церкви: показать: „зачем они существуют“ и—„для чего обряды нужны“.

O. Nielaender'i trükk Narvas, Suur tän., 1. 1927 a.